

Научная статья / Research Article

УДК 930.2 + 94 (47)

DOI: 10.36718/2500-1825-2023-1-140-153

Александр Сергеевич Ковалев

Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия

alexkovaleff@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ КАК НОВАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА: ВОЗМОЖНОСТИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Современная историческая наука по-прежнему находится в поиске новых методологических оснований, которые, с одной стороны, позволят дополнить уже существующие подходы к истории советского общества, с другой – помогут иначе взглянуть на уже известные проблемы, а также станут способом изучения «белых пятен» исторического прошлого. Одним из таких новых методологических подходов может стать концепция социальной эксклюзии, довольно широко применяемая в прочих социальных и гуманитарных науках, но не актуализированная в исторических исследованиях. В связи с этим настоящая статья представляет собой попытку методологического осмысления некоторых вопросов социального развития советского общества 1920–1930-х гг. с точки зрения концепции социальной эксклюзии. В соответствии с типологией социального исключения, предложенного М. Вольфом, автором анализируется эксклюзия в зависимости от средств к существованию, социальных услуг, культуры потребления, политического выбора, общественных организаций и социальной солидарности, возможности понимания происходящего применительно к изучению повседневности различных социальных категорий – рабочих, представителей бывшей аристократии, нетрудоспособных граждан, партийных работников и пр. Результаты исследования показывают, что концепция социальной эксклюзии, несмотря на отдельные проблемы ее использования в историческом плане, имеет широкие возможности и перспективы при анализе исторических процессов. В сочетании с антропологическим и микроисторическим подходом к истории это позволяет глубже изучить жизнь людей, в частности, тех, кто жил в период великих свершений и драм советского периода, без его лишней героизации и демонизации.

Ключевые слова: методология исторического исследования, советское общество, концепция социальной эксклюзии, социальная исключенность

Для цитирования: Ковалев А.С. Концепция социальной эксклюзии как новая методология исследования истории советского общества: возможности, проблемы, перспективы // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 1. С. 140–153. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-1-140-153.

Alexander Sergeevich Kovalev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia
alexkovaleff@yandex.ru

**THE SOCIAL EXCLUSION CONCEPT AS A NEW METHODOLOGY
TO STUDY THE SOVIET SOCIETY HISTORY: OPPORTUNITIES,
PROBLEMS, PROSPECTS**

Modern historical science is still in search of new methodological foundations, which, on the one hand, will make it possible to supplement existing approaches to the history of Soviet society, on the other hand, will help to take a different look at already known problems, and will also become a way to study the "blank spots" of the historical past. One of these new methodological approaches can be the concept of social exclusion, which is quite widely used in other social and human sciences, but has not been updated in historical research. In this regard, this paper is an attempt at methodological understanding of some issues of the social development of Soviet society in the 1920s–1930 from the point of view of the concept of social exclusion. In accordance with the typology of social exclusion proposed by M. Wolf, the author analyzes exclusion depending on the means of subsistence, social services, consumer culture, political choice, public organizations and social solidarity, the possibility of understanding what is happening in relation to the study of the everyday life of various social categories - workers, representatives of the former aristocracy, disabled citizens, party workers, etc. The results of the study show that the concept of social exclusion, despite some problems of its use in historical terms, has wide possibilities and prospects in the analysis of historical processes. In combination with anthropological and microhistorical approaches to history, this allows a deeper study of the life of people, in particular, those who lived during the period of great achievements and dramas of the Soviet period, without its unnecessary glorification and demonization.

Keywords: methodology of historical research, Soviet society, concept of social exclusion, social exclusion

For citation: Kovalev A.S. The social exclusion concept as a new methodology to study the soviet society history: opportunities, problems, prospects // Socio-economic and humanitarian journal. 2023. № 1. S. 140–153. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-1-140-153.

Введение. В условиях методологического плюрализма современной исторической науки и поиска новых путей осмысления исторического процесса актуальным становится привлечение в качестве методологического основания для исследования прошлого междисциплинарных подходов. Одним из них может стать концепция социальной эксклюзии, представленная в науке исследованиями М. Вольфа [1], Ф.М. Бородкина [2, 3], М.С. Астоянц [4].

В монографии «Между исключением и интеграцией: нетрудоспособное население Сибири в фокусе социальной политики Советского государства 1920–1930-х гг.» [5, с. 25–28] автор настоящей статьи уже попытался дать характеристику этой концепции применительно к историческому исследованию, однако отдельные ее положения все равно требуют уточнения.

Под *социальной эксклюзией* (от. фр. «exclure» – исключение) понимается процесс и/или результат ограничения

социальных условий, необходимых для нормальной повседневной жизнедеятельности человека, который приводит к исключению его из общества. Эти ограничения, связанные с неадекватной реализацией социальных прав, проблемами бедности и возможности удовлетворения минимального жизненного стандарта, приводят к тому, что в результате социально-политических и экономических преобразований в стране происходит постепенное ухудшение привычного жизненного уклада человека. Сокращение доходов, социальной защищенности, доступа к общественным благам и услугам приводит к исключению индивида из участия в жизни общества и государства. Это, в свою очередь, приводит к социальной апатии, когда человек передает свои социальные права государству и самоустраивается от процесса общественных изменений.

В состоянии социальной исключенности индивид не может самостоятельно найти выход из тяжелой жизненной ситуации и ввергается в более дискомфортное состояние беспомощности и отказа от борьбы за собственное социальное благополучие. Подобная ситуация требует от человека привлечения материальных, физических и эмоциональных ресурсов для решения социальных проблем. Однако общество и государство, часто выступающие источниками социальной эксклюзии, не всегда могут предоставить компенсацию перечисленных ресурсов, поэтому должны быть созданы такие условия, когда индивид сможет самостоятельно стать полноценным членом общества, преодолев состояние исключенности (социальная инклюзия, или включение в общество). В противном случае, из временной ситуации он перейдет в перманентное состояние социальной эксклюзии.

В одном и том же обществе всегда одновременно сосуществуют индивиды, находящиеся в благополучной ситуации, – представители элиты, среднего класса – и подверженные риску стать жертвой исключения отдельные социальные

группы. Можно предположить, что на протяжении всего процесса исторического развития общества его отдельные индивиды и группы, чьи социальные связи были нарушены, не могли участвовать в жизни общества, воспроизводя эксклюзию в каждом новом поколении.

Цель исследования. Осмысление места человека в обществе в определенную историческую эпоху. Изучение социальных групп советского общества, которые были выброшены из социума, оказывались неудобными государственным и социальным институтам.

Результаты исследования и их обсуждение. М. Вольф [1] выделяет шесть типов социального исключения, в основе выделения которых лежат определенные обстоятельства, вызывающие социальную эксклюзию:

1. *Эксклюзия от средств к существованию* (сокращение доходов и вынужденный отказ от привычного жизненного уклада).

2. *Эксклюзия от социальных услуг* (отсутствие права на образование и здравоохранение, права на жилище, иные гарантии, например, водоснабжение и вывоз отходов).

3. *Эксклюзия от культуры потребления* (невозможность реализовать потребительские стремления).

4. *Эксклюзия от политического выбора* (отсутствие возможности обращаться к государственным органам власти для решения своих проблем, отсутствие доверия к политическим деятелям, невозможность реального влияния на политические процессы).

5. *Эксклюзия от общественных организаций и социальной солидарности* (слабая организованность или полное отсутствие профсоюзов, крестьянских объединений, кооперативов, ассоциаций родителей, инвалидов, пенсионеров и других категорий населения, религиозных, этнических сообществ, а также невозможность удовлетворить свои потребности в решении собственных проблем через эти организации).

6. *Эксклюзия от возможности понимания происходящего* (отсутствие широкого выбора жизненных стилей, гендерная и возрастная дискриминация, усложнение стратегий выживания).

Чтобы понять, может ли концепция социальной эксклюзии выступать в качестве методологии исторического исследования, следует рассмотреть отдельные случаи каждого типа социального исключения. Все шесть типов уже получили отражение в публикациях А.С. Ковалева в рамках исследований, посвященных реализации государственной социальной политики в отношении нетрудоспособного населения Сибири [6, 7, 8, 9, 10, 11]. В то же время для «чистоты эксперимента» следует обратиться не только к опыту инвалидов и пожилых людей, но и рассмотреть другие группы населения. Ограничимся периодом 1920–1930-х гг. и попробуем проанализировать социальную эксклюзию в ее разных проявлениях.

Эксклюзия от средств к существованию, выражающаяся в сокращении доходов, ярче всего прослеживается в отношении лиц, которые страдали от безработицы. А.И. Бакшеев приводит сведения, согласно которым, на пособие по безработице «рабочий и служащий при НЭПе могли купить два демисезонных пальто, а при полной занятости... и на вдвое большую зарплату купить даже еду было негде: все давалось по карточкам или через распределители» [12, с. 34]. В середине 1920-х гг. в Иркутской губернии не выплачивалась зарплата учителям, из-за чего закрывались школы. В Томске милиционеры, которых обвиняли во взяточничестве, оправдывали себя тем, что им выплачивают нищенскую зарплату 17–18 руб. [12, с. 222, 293].

Л.И. Бородкин, оценивая динамику уровня жизни городского населения в годы НЭПа, отмечает, что к 1927 г. «обострился товарный голод как на продовольственные, так и на промышленные товары. Под влиянием слухов о приближающейся войне население бросилось закупать впрок продовольствие» [13, с. 339], усилилась инфляция. Однако и

после НЭПа ситуация не изменилась. Ссылаясь на обзор ОГПУ за декабрь 1929 г., Л.И. Бородкин говорит о том, что «хотя снабжение городов хлебом и мясом производилось по твердым ценам, перебои в снабжении другими видами продовольствия и промтоварами продолжались, соответственно, росли и цены на частном рынке» [13, с. 339–340], что резко снижало реальную зарплату рабочего. На рубеже 1920–1930-х гг. начинается падение уровня жизни трудящихся: «Хлеб, а затем и другие продукты питания, можно было купить по низким карточным (пайковым) ценам, но отоварить карточки удавалось не всегда... и набор нормируемых продуктов был ограниченным» [13, с. 341–342]. Рабочим приходилось обращаться к частным торговцам, где цены на продукты были в несколько раз выше. Можно согласиться с С.В. Журавлевым и М.Ю. Мухиным, что для рабочих того времени «общим было представление... что в условиях инфляции покупательная способность рубля падает... Реальный, основанный на прямом заработке доход среднего рабочего к 1937 г., ... понизился и составлял всего 63,5 % от показателя 1928 г.» [14, с. 61–62].

Очевидно, что на протяжении всего периода 1920–1930-х гг., несмотря на рост зарплаты, происходило падение уровня реальных доходов, то есть эксклюзия от средств к существованию становилась перманентной. Впрочем, государство пыталось компенсировать эти издержки. С одной стороны, стимулирование труда в период индустриализации привело к росту реальной зарплаты «в зависимости от квалификации и производительности труда» [13, с. 344], с другой – в 1930-х гг. рабочие уже были уверены, что «через карточную систему распределения... государство в любом случае, независимо от результатов труда, обеспечит неплохой (сравнительно с другими слоями населения) прожиточный минимум рабочему... и членам его семьи в виде продуктов и промтоваров» [14, с. 62].

Таким образом, можно сказать, что рабочие из общества «не выпадали», что объясняется их статусом, поскольку в пролетарском государстве вряд ли они могли стать дискриминируемой социальной группой. В то же время вряд ли можно говорить о том, что они не были подвержены риску исключения из общества, так как государство всеобщего благоденствия в его социалистическом варианте пока еще не создало.

Куда интереснее посмотреть на *эксклюзию от средств к существованию в смысле вынужденного отказа от привычного жизненного уклада*. Этот тип социального исключения характерен для такой категории населения, как «бывшие люди», к которым относились «те социальные слои, политическая позиция которых была противоположна политике Советов» [15]. В социальной структуре нового общества «рабочим и крестьянам» и «честным трудящимся» были противопоставлены «враги народа»...бывшие генералы, помещики, банкиры... корниловцы... кадеты, правые эсеры, белогвардейцы... Появились категории «иностранцы агенты»... «изменники, предатели»...» [15, с. 28].

Советская власть целенаправленно исключала «бывших» из общества: их прежний социальный статус обязательно упоминался в списках лиц, лишенных избирательных прав, существовала специальная анкета для бывших офицеров и чиновников, в которой они сообщали о себе сведения компрометирующего характера. «Бывшие» были признаны «социально опасными... Все действия их частной жизни... трактовались... как... направленные против государства», «ссылка и высылка стали распространенной «мерой социальной защиты», применяемой к «бывшим людям»» [15, с. 29–32].

В разных исследованиях представлены воспоминания о том, в каком положении находились вчерашние аристократы. Д. Смит приводит впечатления британского журналиста, побывавшего в России в начале 1920-х гг.: «В самом

плачевном состоянии – дворяне, независимо мужчины или женщины, у кого нет каких-либо навыков, представляющих практическую ценность. Их можно видеть... часами стоящих под открытым небом на рынках, продающими пальто, меха, серебро или последние остатки ювелирных украшений, продажи которых они могли бы обеспечить свое существование на пару недель» [16, с. 213].

Эти слова подтверждают многочисленные выдержки из личных дневников женщин – представительниц привилегированных ранее слоев населения, собранных в рамках Фестиваля культуры и традиций «Триумф Ю-Питера. Игры со временем» в 2020 г. исследовательницей А. Громовой: «Жизнь стала... сплошной борьбой за существование, заботой об одежде, пище и топке»; «Меня не учили, как доставать себе пропитание, как пробиваться локтями в очередях за пайкой и ложкой, за которую надо было давать залог; меня не учили ничему полезному: я не умела ни шить валенки, ни вычесывать вшей из детских голов, ни печь пироги из картофельной шелухи»; «Жизнь стала топкой печей, приготовлением еды и починкой белья, борьбой с холодом...»; «Вещи из дому вытекали неудержимо, как вода, мы питались сначала портьерами, скатертями, наконец, роялем»; «Бережно хранимые фамильные драгоценности в тяжелых условиях существования становились просто вещами, которые можно было продать или обменять на еду... Предметы из прошлой жизни теряли смысл и былую значимость. Книжки и красивая дорогая мебель превращались в дрова для топки квартиры, золото и серебро – в пшено и картофель» [17].

В книге Д. Смита таких описаний можно обнаружить с избытком, но интересно и замечание американского историка, что только относительно «благополучные» семьи могли позволить себе продать «книжки, ювелирные изделия, царские медали, картины и серебряные ведерки для шампанского... Иным молодым женщинам из прежнего высшего общества было нечего продать, кроме

своего тела. Около 40 % проституток начала 1920-х были из дворянских или некогда зажиточных семей» [16, с. 217]. Он приводит слова другого исследователя, который «был потрясен печальным положением молодых женщин из старой... элиты», поскольку «можно было заполучить любую женщину за плотный обед» [16, с. 218].

Конечно, советская власть и в отношении своих идейных врагов попыталась (или по большому счету была вынуждена) внедрить механизмы, позволявшие найти для вчерашних аристократов место в новом обществе: «С начала 1920-х гг. из-за нехватки квалифицированных кадров значительная часть “бывших”... и их дети работали в структуре государственных и даже партийных органов» [15, с. 32]. Так, С.А. Папков указывает, что «в 1922–1923 гг. в Сибири на постах руководителей прокуратуры оказались... четыре юриста, обладавшие специальным образованием и опытом правовой деятельности в досоветское время». Кроме того, «значительную группу... в среде первых советских прокуроров составляли бывшие эсеры. В Сибири их было не менее восьми человек, в том числе на самых крупных юридических постах» [18, с. 45]. Активно приспособлялись к новой жизни выходцы из предпринимательской среды. Подобные примеры приводит В.А. Скубневский: «Сын купца Александра Ворсина Николай, управлявший винокуренным и пивоваренным заводами,... переехав в Новосибирск, занял там должность инженера треста винокуренной промышленности»; «Сын паромщиков Мельниковых Николай... [служил] с 1924 по 1927 г. заведующим Барнаульского агентства союзторгфлота, позже – членом правления Барнаульского общества взаимного кредита»; «Бывший купец С.Д. Холкин... работал бухгалтером в различных учреждениях». Барнаульский историк также говорит о том, что «из числа бывших дореволюционных предпринимателей и их потомков вышли многие работники промышленности, учителя, медики, служащие» [19, с. 91].

Впрочем, уже с середины 1920-х гг. начинается «чистка» предприятий, государственного аппарата и партийных организаций от «чуждых элементов», которые становились первыми жертвами политических репрессий того времени, при этом «лояльность отдельных людей... не принималась во внимание» [15, с. 33]. Д. Смит приводит слова одного из «бывших»: «...большая часть тех юношей и барышень... кто [прежде] беззаботно веселился... позднее погибла в лагерях... Иных арестовывали только за титул» [16, с. 229]. Тем самым для них эксклюзия оказалась не просто «фигурой речи», а самым настоящим физическим исключением из жизни – основная масса «бывших людей», пытавшихся найти свое место в новой реальности, была лишена этой возможности и просто ликвидирована.

Рассмотреть особенности *эксклюзии от социальных услуг* можно на примере реализации (нереализации) права населения Сибири на жилище. Основу исследования составляют материалы, собранные магистрантом Сибирского федерального университета по направлению подготовки «Отечественная история» Д.О. Мироновым под руководством автора настоящей публикации.

Нехватка жилой площади в Сибири в 1920-х гг. была более острой, чем в европейской части страны. Как отмечают С.С. Букин и В.И. Исаев, в этот период на одного человека, проживающего в Сибири, приходилось от 1 до 6 м² жилой площади [20, с. 164], что не соответствовало установленной Наркоматом здравоохранения норме 8 м² [21, с. 6]. При этом «только 16 % рабочих имели собственные дома, остальные снимали угол у местных жителей или получали место на нарах в бараке» [20, с. 164]. Енисейский губернский отдел коммунального хозяйства (Енгубкомхоз) отмечал неудовлетворительное состояние жилой площади в Красноярске и указывал, что большая часть квартир нуждается в срочном ремонте» [22].

Весной 1924 г. газета «Красноярский рабочий» опубликовала материалы отчета Енгубкомхоза о состоянии жилищного фонда в городе, где сообщалось, что в среднем на одного человека приходилось чуть больше 5 м², причем указывалось на неравномерное распределение существующей жилплощади – на первом месте по обеспеченности жильем были служащие (3 902 м²), затем – представители неких «невыясненных категорий» (1 800 м²), и только затем – рабочие (1 687 м²) [23]. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1926 года, к середине 1920-х гг. на одного жителя Красноярска приходилось уже 5,15 м², а средний показатель по городам и поселкам составлял 4,4 м² площади [24].

При этом население выражало крайнее недовольство ситуацией, которая сложилась в жилищной сфере, полагая, что их обманывают и лишают нормальных условий проживания. На страницах «Красноярского рабочего регулярно появлялись жалобы: «Обнаглевшие домовладельцы... стараются выкурить из своих квартир мелких советских служащих и рабочих»; «С каждым днем усиливаются нажимы домовладельцев на квартирантов»; «Только и делают, что собирают деньги... за санитарным же состоянием некому следить, загажено неизменно, посмотреть некому» [25, 26].

Таким образом, можно смело говорить об эксклюзии населения (и в первую очередь рабочих) Сибири и, в частности, Красноярского края от жилищных услуг. Преодолеть эти негативные тенденции удалось только к началу 1930-х гг., когда стало наблюдаться некоторое облегчение ситуации в жилищном фонде – осуществлялся ремонт существующих зданий, расширялась государственная ресурсная база.

Эксклюзия от социальных услуг прослеживается и в сфере предоставления прочих гарантий, если рассмотреть обеспеченность красноярцев электроэнергией и водоснабжением. Долгое время обеспечение жилых помещений электроэнергией было роскошью, и ря-

довым квартиросъемщикам приходилось писать обоснования о необходимости подключения их квартиры к электросети [27]. Вместе с тем только к 1937 г. показатели электрификации жилья в Красноярском крае составили 90 %. А вот темпы внедрения центрального водоснабжения и канализации явно уступали электрификации. Так, водоснабжением в Красноярске к концу 1920-х годов пользовались 30 % домохозяйств, а канализацией – около 20 % [28], а к концу 1930-х гг. ситуация стала еще хуже – численность населения Красноярского края возросла, и показатели еще больше снизились: обеспечение водоснабжением получили лишь 17 % квартир, а канализацией пользовались порядка 10 % населения края. К сожалению, в этом плане никаких действий для того, чтобы создать комфортную среду для жителей квартир, которые позволили бы назвать включением населения в сферу коммунально-бытовых услуг, не было.

Эксклюзию от возможности реализовать потребительские стремления поможет лучше всего понять история «маленького человека» – 82-летнего пенсионера из Томска, инвалида II группы, бывшего юриста Якова Яковлева. В 1932 г. он отправил жалобы Наркомтруда РСФСР и Западносибирскую страховую кассу, где сообщал, что, несмотря на выплату ему пенсии, он не может удовлетворять даже самые минимальные потребности: «...Занимаю комнату в 6,83 м² без печки, от чего температура опускается в ней ниже нуля... У меня нет ни обуви, ни белья... Цена на все жизненные припасы выросла более чем в 5 раз... Дом, где я жил, продали с публичного торга... Живу 10-рублевой пенсией, которой не хватает даже на покупку хлеба... Ни круп, ни рыбы, ни мяса, и жиров купить нет возможности. Приходится питаться одним хлебом, а его не хватает... [Раньше стоил] литр молока – 15 коп., черный хлеб – 12 коп... Картофель продавали 40 коп. ведро, и это считалось дорогим, а теперь 1–2 руб., дрова

[были] 2,50 р. воз, а теперь 10 руб.» [29, л. 25].

Здесь сошлись сразу несколько типов социальной эксклюзии – не только от минимального стандарта потребления, но также от средств к существованию. Ему не хватает пенсии (кстати, чтобы заработать пенсию в размере 10 руб. 66 коп. бывшему юристу в 1921 г. в возрасте 71 года пришлось снова начать трудиться, чтобы заработать положенный для выплаты 8-летний «трудовой стаж»); от социальных услуг он был лишен дома и проживал в «квартирке-каюте», где суровой сибирской зимой температура не поднималась выше нуля градусов); от понимания происходящего он недоумевает, почему, став стариком, он не имеет право на достойную пенсию: «Во внимание не принимается ни моя старость, в силу которой только одной должна быть назначена пенсия в увеличенном размере, ни мое болезненное состояние (глухота, грыжа, сердце), ни стоимость жизненных припасов (превзошедшая за 3 года в 5 раз), ни заключение медицинской комиссии)» [29, л. 40–42].

Показательно, что органы социального обеспечения не сделали ничего, чтобы как-то облегчить участь пожилого человека. На запрос из Наркомата труда, почему нарушаются права старика, заведующий Томским горсобесом ответил: «...в материальном отношении положение Яковлева можно считать сравнительно сносным. Яковлев мог бы быть, конечно, лучше обеспеченным, если бы трудоустроился». Видимо, посчитав, что этих характеристик недостаточно, заведующий собесом присовокупил еще один «аргумент против»: «Кроме того, он является алкоголиком» [29, л. 25]. Так инвалид II группы, «бывший», но ставший пролетарием пожилой юрист оказался полностью выброшенным на обочину советского государства и был вынужден доживать свои дни в нищете.

Эксклюзия от политического выбора, пожалуй, будет наиболее понятной, поскольку всем хорошо известно о суще-

ствовании в Советском государстве 1920–1930-х гг. такой социальной категории, как «лишенцы». Опираясь на монографию С.А. Красильникова «Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы», можно вкратце определить основные проявления политической эксклюзии.

Как пишет новосибирский историк, основная часть «лишенцев» ни по происхождению, ни по реальному социальному положению не принадлежала к выходцам из привилегированных ранее сословий и групп» [30, с. 13–14]. К ним причисляли представителей вполне лояльной советской власти массы населения – крестьяне, ремесленники, служащие. С.А. Красильников отмечает, что в ходе раскулачивания карательным органам были даны жесткие инструкции «отсекать» при высылке от крестьянской массы» лишенных избирательных прав, это требование выполнено не было. Возможно, это как раз было связано с тем, что «лишенцы» подвергались «лишениям» задолго до применения к ним репрессивных мер.

С.А. Красильников приводит выписку из отчета прокурора Гольдберга, который занимался проверкой коллективизации и раскулачивания в Барнауле и его окрестностях: «...Почти всем высланным не было известно, за что они лишены избирательных прав и, следовательно, [они] были лишены возможности доказывать неправильность лишения» [30, с. 99–100, 115], что во многом свидетельствует не только об эксклюзии от политического выбора, но и от понимания происходящего.

Довольно точно отражает ситуацию с исключением «лишенцев» из общества вывод С.А. Красильникова, что «...становясь “лишенцами”, люди теряли социальные перспективы в советском обществе», поскольку «“лишенчество” эволюционировало в сторону наследственного дискриминируемого сословия советского общества» [30, с. 116–117], и члены семей лишенного избирательных прав также были в правах ограничены, –

их увольняли с работы, исключали из профсоюзов и прочих общественных объединений, а их детям запрещали учиться в школах и вузах.

Эксклюзия от общественных организаций и социальной солидарности могла проявляться в том, что постепенно в годы советской власти начинают исчезать благотворительные организации как таковые. По словам М.В. Фирсова, система советского государственного патернализма «исключала различные формы благотворительности» [31]. И хотя в 1920–1930-х гг. в стране существовали комитеты помощи инвалидам и красноармейцам, Всероссийские общества глухих и слепых, Автодор, Осоавиахим и прочие организации, но фактически они были псевдообщественными, управлялись и контролировались советским государством.

Другой пример – эксклюзия от социальной солидарности по религиозному принципу. Например, многие сибирские партийные активисты периода НЭПа не понимали противоречий между политикой партии и религиозной жизнью. В семье рядового члена партии жена и дети могли быть верующими, все вместе по старинке праздновали Пасху с куличами. Коммунисты продолжали хранить дома иконы, но при этом опасались санкций со стороны власти и старались не участвовать в публичных религиозных мероприятиях, отправляя необходимые обряды на дому. Формально считаясь атеистами, партийные чиновники на местах продолжали верить, крестили детей, поддерживали отношения со священниками и даже способствовали заключению брачных союзов с их детьми. Они сохраняли скрытно свою религиозную жизнь, поскольку испытывали давление со стороны семьи или не смели противиться воле верующих родителей, которые продолжали удовлетворять религиозные потребности. Когда же религиозность стала синонимом контрреволюционности, и в отношении «неблагонадежных» товарищей по партии начались репрессии, многие из коммунистов

покинули ряды партии из-за несогласия с притеснениями верующих, другие продолжали скрытно исполнять религиозные обряды в условиях секретности на протяжении всего существования советской системы, а соглашательская позиция третьих разрушала семьи [32].

Эксклюзию от возможности понимания происходящего можно проследить по публикациям новосибирского историка В.И. Исаева, посвященного женщинам. Так, анализируя процесс вовлечения женщин в промышленность Сибири в годы первых пятилеток, он говорит о гендерной дискриминации, с которой пришлось столкнуться женщинам: «В трудовых коллективах, в которых традиционно первенствовали мужчины, женщинам поначалу приходилось отстаивать свое право на равный труд и равную оплату, на уважительное товарищеское отношение. Нередко женщин, бравшихся за "мужскую" работу, мужчины пытались высмеивать, высказывали недоверие к их способностям достойно справиться с порученным делом... Мужчины постоянно преследовали их насмешками, произнося обидные фразы... На Кузнецкстрое в 1931 г. была создана бригада женщин-арматурщиц. Насмешки над ними со стороны мужчин-арматурщиков привели к тому, что бригада распалась, женщины, не выдержав насмешек, не захотели в такой атмосфере работать арматурщицами» [33, с. 50].

Впрочем, как показывает В.И. Исаев, со временем отношение к женщине изменяется, что выражается в подтягивании уровня зарплаты женщин до уровня зарплаты мужчин с 55–63 % во второй половине 1920-х гг. до 85–100 % к середине 1930-х гг. Женщины стали занимать руководящие посты, выдвигаться в профсоюзы и цеховые комитеты, произошел резкий рост их культурного уровня. Ярким свидетельством того, что сибирские женщины были полностью инклюзивированы в среду советского общества, показывает пример, который приводит новосибирский историк: «...занятия спортом были в основном

мужским делом, а появление женщины в спортивной форме воспринималось как чуть ли не неприличное поведение. В течение 1920–1930-х годов представления о приличиях изменились: в годы первой и второй пятилеток среди физкультурников женщины составляли уже около трети» [33, с. 50–51].

Несмотря на это, В.И. Исаев отмечает, что гендерная дискриминация в отношении женщин сохранялась и в 1930-х гг. Он приводит сведения, которые доказывают, что женщины тратили большее время на домашний труд, сокращая время на отдых и общественную работу, и «реального равноправия мужчины и женщины в общественно-политической и производственной сфере, а тем более в сфере быта... не было достигнуто» [33, с. 54]. Несмотря на многочисленные изменения в статусе, идеологические ориентиры советской власти, изживание предрассудков, общественное сознание оставалось прежним, и женщины так и не могли понять, почему равенство между полами все еще не было достигнуто.

Заключение. Возможности использования концепции социальной эксклюзии в качестве методологии исторического исследования связаны с ответом на вопрос о месте человека в обществе в определенную историческую эпоху. В этом смысле она может быть дополнена принципами историко-антропологического подхода. Проявляя повышенный интерес к человеку прошлого, изучая его жизненные проблемы, специфику его социального статуса и статусных отношений в обществе, историк, использующий концепцию социальной эксклюзии, способен прийти к пониманию того, насколько комфортно конкретному человеку и его семье было существовать в обществе в конкретный исторический период. По сути, речь идет о том, что каждый индивид на протяжении всей своей жизни, будучи существом социальным, либо включен в общество (социальная инклюзия), либо исключен из него (эксклюзия). По этому показателю мы сможем судить о социальном самочувствии человека в ту или иную историческую эпоху, при этом сможем посмотреть

на нее не просто глазами человека прошлого, как это делают сторонники антропологически ориентированного подхода к истории, но человека прошлого, включенного в определенную систему социальных связей.

В случае если рядовой обыватель находился в состоянии социальной инклюзии, это означает, что он был органичной частью общества (например, советского социума), не испытывал никаких проблем с тем, чтобы быть «своим» в этом обществе, разделяя его ценности и идеологию. И, наоборот, человек в состоянии социальной эксклюзии выпадал из социального круга, оставался лишним, «чужим среди своих» в обществе, где был вынужден жить.

Такой подход поможет глубже понять причины, почему, к примеру, для одних граждан советское общество (как и общество любого другого периода) является образцом социальной организации, а советская история (или другой исторический период) предстает как период великий свершений, а для других – нет.

Безусловно, пока можно говорить только о первых шагах этой теории применительно к историческому исследованию, в большей степени обозначая проблемы ее использования и перспективы. Тому, кто планирует обратиться к ней, еще предстоит выявить различные комбинации эксклюзии и инклюзии, а также понять поведение и стратегии выживания обывателей, исключенных из общества, выяснить, как преодолевали жизненные затруднения те, кто был полностью включен в одобряемое им общество, но неожиданно по каким-то причинам оказался «за бортом» социального благополучия и т.д. Важно ответить на вопросы, что считать социальным исключением; преобладают ли в подобной оценке только негативные коннотации; подходит ли концепция только для социальной истории или для оценки исторических событий в других сферах общественной жизни? В любом случае концепция социальной эксклюзии требует самого серьезного внимания.

Список источников

1. *Wolf M.* Globalization and social exclusion: Some paradoxes // *Social Exclusion: Rhetoric Reality Responses / International Institute for labor studies. United Nations development program; Ed. by G. Rodgers, Ch. Gore, J. Figueiredo.* Geneva, 1994. P. 81–102.
2. *Бородкин Ф.М.* Социальная напряженность и агрессия // *Мир России.* 1997. № 4. С. 107–150.
3. *Бородкин Ф.М.* Социальные эксклюзии. URL: www.nir.ru/socio/old/scipubl/sj/sj3-4-0obrod.html.
4. *Астоянц М.С.* К определению социального исключения // *Гуманитарные и социально-экономические науки.* 2006. № 1. С. 139–142.
5. *Ковалев А.С.* Между исключением и интеграцией: нетрудоспособное население Сибири в фокусе социальной политики Советского государства 1920–1930-х гг. Красноярск, 2018. 352 с.
6. *Ковалев А.С.* Нарушение прав и основные типы жалоб нетрудоспособных граждан в инвалидных домах Сибири в 1920–1930-х гг. // *Общество. Среда. Развитие.* 2012. № 2. С. 102–106.
7. *Ковалев А.С.* Повседневная жизнь нетрудоспособных граждан в условиях инвалидного дома в 20-х гг. XX в. (по материалам сибирских архивов) // *Вестник Кемеровского государственного университета.* 2013. № 1. С. 55–61.
8. *Ковалев А.С.* Проблемы идентификации социального статуса пожилых людей и инвалидов в первой трети XX века: опыт историко-социологического анализа (на материалах Сибири) // *Историческая психология и социология истории.* 2013. № 1. С. 85–98.
9. *Ковалев А.С.* Благотворительность «по-советски»: комитеты помощи инвалидам войны в 20-х гг. XX в. (на материалах Сибири) // *Журнал исследований социальной политики.* 2014. Т. 12. № 1. С. 77–94.
10. *Ковалев А.С.* Нетрудоспособные женщины в фокусе государственной социальной политики 1920–1930-х гг. (на материалах Сибири) // *Женщина в российском обществе.* 2019. № 4. С. 126–136.
11. *Ковалев А.С.* Государственная социальная политика и стратегии выживания нетрудоспособного населения Сибири в годы НЭПа // *Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию начала НЭПа (Новосибирск, 16–17 сент. 2021 г.).* Новосибирск: Параллель, 2021. С. 308–318.
12. *Бакшеев А.И.* Проблемы советской государственности в Сибири периода НЭПа. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013. 346 с.
13. *Бородкин Л.И.* Динамика уровня жизни городского населения в годы НЭПа: новые оценки // *Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию начала НЭПа (Новосибирск, 16–17 сент. 2021 г.).* Новосибирск: Параллель, 2021. С. 337–347.
14. *Журавлев С.В., Мухин М.Ю.* «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2004. 240 с.
15. *Мирошниченко М.И., Журавлева В.А.* «Бывшие люди»: структура и особенности нормативно-правового статуса // *Гуманитарно-педагогические исследования.* 2021. Т. 5. № 3. С. 27–36.
16. *Смит Д.* Бывшие люди. Последние дни русской аристократии: пер. с англ. *Н. Соколова.* М.: Новое литературное обозрение, 2018. 400 с.
17. *Громова А.* Жизнь «бывших». Повседневность женщин из привилегированных слоев после 1917 года // *Фестиваль «Триумф Ю-Питера. Игры со временем».* URL: <https://>

- vk.com/@triymfjupitera-zhizn- byvshih-povsednevnost-zhenschin-iz-privilegirovannyh-s (дата обращения: 11 января 2023 г.).
18. Папков С.А. Прокуроры Сибири (1922–1937 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 3. С. 41–55.
 19. Скубневский В.А. «Бывшие». Купечество Барнаула после 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 48. С. 88–93.
 20. Букин С.С., Исаев В.И. Жилищная проблема в городах Сибири в 1920-х – начале 1960-х годов // ЭКО. 2010. № 1. С. 163–180.
 21. Меерович М.Г. Власть и жилище (жилищная политика в СССР в 1917 – 1940 годах) // Вестник Евразии. 2003. С. 5–66.
 22. Государственный архив Красноярского края (ГАКК) Ф. Р-132. Оп. 1. Д. 94. Л. 14.
 23. Рабкор № 4. Хорошие квартиры – рабочим! // Красноярский рабочий. 1924. № 80. С. 3.
 24. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. VI. Жилищный фонд СССР. М., 1928. 58 с.
 25. А.С. Господа домовладельцы // Красноярский Рабочий. 1922. № 195. С. 3.
 26. И.И. Некому следить // Красноярский рабочий. 1924. № 6. С. 3.
 27. ГАКК. Ф. Р-527. Оп. 1. Д. 259. Л. 15.
 28. ГАКК. Ф. Р-527. Оп. 1. Д. 260. Л. 33.
 29. Государственный архив Томской области. Ф. Р-446. Оп. 1. Д. 70. Л. 25–27, 40–42.
 30. Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. 288 с.
 31. Фирсов М.В. История социальной работы в России: тенденции становления // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в. Саратов, 2005. С. 83–85.
 32. Шуганов С.Р. «Религиозные проступки» в системе партийного контроля 1920–1930-х гг. // Конструируя «советское»: политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности. СПб., 2014. С. 212–216.
 33. Исаев В.И. Условия и тенденции вовлечения женщин в промышленность Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 гг.) // Magistra Vitae. 2016. № 1. С. 49–55. URL: www.csu.ru.

References

1. Wolf M. Globalization and social exclusion: Some paradoxes // Social Exclusion: Rhetoric Reality Responses / International Institute for labor studies. United Nations development program; Ed. by G. Rodgers, Ch. Gore, J. Figueiredo. Geneva, 1994. P. 81–102.
2. Borodkin F.M. Sotsial'naya napryazhennost' i agressiya // Mir Rossii. 1997. № 4. С. 107–150.
3. Borodkin F.M. Sotsial'nye ehksklyuzii. URL: www.nir.ru/socio/old/scipubl/sj/sj3-4-0obrod.html.
4. Astoyants M.S. K opredeleniyu sotsial'nogo isklyucheniya // Gumanitar'nye i sotsial'no-ehkonomicheskie nauki. 2006. № 1. S. 139–142.
5. Kovalev A.S. Mezhdru isklyucheniem i integratsiei: netrudosposobnoe naselenie Sibiri v fokuse sotsial'noi politiki Sovetskogo gosudarstva 1920–1930-kh gg. Krasnoyarsk, 2018. 352 s.
6. Kovalev A.S. Narushenie prav i osnovnye tipy zhalob netrudosposobnykh grazhdan v invalidnykh domakh Sibiri v 1920–1930-kh gg. // Obschestvo. Sreda. Razvitie. 2012. № 2. S. 102–106.
7. Kovalev A.S. Povsednevnyaya zhizn' netrudosposobnykh grazhdan v usloviyakh invalidnogo doma v 20-kh gg. KHKH v. (po materialam sibirskikh arkhivov) // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1. S. 55–61.

8. *Kovalev A.S.* Problemy identifikatsii sotsial'nogo statusa pozhilykh lyudei i invalidov v pervoi treti KHKH veka: opyt istoriko-sotsiologicheskogo analiza (na materialakh Sibiri) // *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 2013. № 1. S. 85–98.
9. *Kovalev A.S.* Blagotvoritel'nost' «posovetskii»: komitety pomoshchi invalidam voyny v 20-kh gg. KHKH v. (na materialakh Sibiri) // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 2014. T. 12. № 1. S. 77–94.
10. *Kovalev A.S.* Netrudosposobnye zhenshchiny v fokuse gosudarstvennoi sotsial'noi politiki 1920–1930-kh gg. (na materialakh Sibiri) // *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. 2019. № 4. S. 126–136.
11. *Kovalev A.S.* Gosudarstvennaya sotsial'naya politika i strategii vy-zhivaniya netrudosposobnogo naseleniya Sibiri v gody NEHPa // *Rossiiskie ekonomicheskie reformy v regional'nom izmerenii: sb. mat-lov Vseros. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu nachala NEHPa (Novosibirsk, 16–17 sent. 2021 g.)*. Novosibirsk: Parallel', 2021. S. 308–318.
12. *Bakshiev A.I.* Problemy sovetskoj gosudarstvennosti v Sibiri pe-rioda NEHPa. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2013. 346 s.
13. *Borodkin L.I.* Dinamika urovnya zhizni gorodskogo naseleniya v gody NEHPa: novye otsenki // *Rossiiskie ekonomicheskie reformy v regional'nom izmerenii: sb. mat-lov Vseros. nauch. konf., posvyashch. 100-letiyu nachala NEHPa (Novosibirsk, 16–17 sent. 2021 g.)*. Novosibirsk: Parallel', 2021. S. 337–347.
14. *Zhuravlev S.V., Mukhin M.YU.* «Krepost' sotsializma»: povsednevnost' i motivatsiya truda na sovetskom predpriyatii, 1928–1938 gg. M.: ROSSPEHN, 2004. 240 s.
15. *Miroshnichenko M.I., Zhuravleva V.A.* «Byvshie lyudi»: struktura i osobenosti normativno-pravovogo statusa // *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya*. 2021. T. 5. № 3. S. 27–36.
16. *Smit D.* Byvshie lyudi. Poslednie dni russkoi aristokratii: per. s angl. N. *Sokolova*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 400 s.
17. *Gromova A.* Zhizn' «byvshikh». Povsednevnost' zhenshchin iz privilegirovannykh sloev posle 1917 goda // *Festival' «Triumf YU-Pitera. Igry so vremeneM»*. URL: <https://vk.com/@triymfjupitera-zhizn-byvshih-povsednevnost-zhenshin-iz-privilegirovannykh-s> (data obrashcheniya: 11 yanvarya 2023 g.).
18. *Papkov S.A.* Prokurory Sibiri (1922–1937 gody) // *Istoriko-pravovye problemy: novyi rakurs*. 2020. № 3. S. 41–55.
19. *Skubnevskii V.A.* «Byvshie». Kupechestvo Barnaula posle 1917 g. // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 48. S. 88–93.
20. *Bukin S.S., Isaev V.I.* Zhilishchnaya problema v gorodakh Sibiri v 1920-kh – nachale 1960-kh godov // *Ehko*. 2010. № 1. S. 163–180.
21. *Meerovich M.G.* Vlast' i zhilishche (zhilishchnaya politika v SSSR v 1917 – 1940 godakh) // *Vestnik Evrazii*. 2003. S. 5–66.
22. Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja (GAKK) F. R-132. Op. 1. D. 94. L. 14.
23. Rabkor № 4. Khoroshie kvartiry – rabochim! // *Krasnoyarskii rabochii*. 1924. № 80. S. 3.
24. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 17 dekabrya 1926 g. Kratkie svodki. Vyp. VI. Zhilishchnyi fond SSSR. M., 1928. 58 s.
25. A.S. Gospoda domovladel'tsy // *Krasnoyarskii Rabochii*. 1922. № 195. S. 3.
26. *I.SHCH.* Nekomu sledit' // *Krasnoyarskii rabochii*. 1924. № 6. S. 3.
27. GAKK. F. R-527. Op. 1. D. 259. L. 15.
28. GAKK. F. R-527. Op. 1. D. 260. L. 33.
29. Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. F. R-446. Op.1. D. 70. L. 25–27, 40–42.

30. *Krasil'nikov S.A.* Serp i Molokh. Krest'yanskaya sсыlka v Zapadnoi Sibiri v 1930-e gody. M.: ROSSPEHN, 2003. 288 s.
31. *Firsov M.V.* Istoriya sotsial'noi raboty v Rossii: tendentsii stanovleniya // Nuzhda i poryadok: istoriya sotsial'noi raboty v Rossii, XX v. Sa-ratov, 2005. S. 83–85.
32. *Shigapov S.R.* «Religioznye prostupki» v sisteme partiinogo kontrolya 1920–1930-kh gg. // Konstruiruya «sovetskoe»: politicheskoe soznanie, povsednevnye praktiki, novye identichnosti. SPb., 2014. S. 212–216.
33. *Isaev V.I.* Usloviya i tendentsi v promy i вовlecheniya zhenshchin shlen-nost' Sibiri v gody pervykh pyatiletok (1928–1937 gg.) // Magistra Vitae. 2016. № 1. S. 49–55. URL: www.csu.ru.

Статья принята к публикации 19.01.2023/
The article has been accepted for publication 19.01.2023.

Информация об авторе:

Александр Сергеевич Ковалев, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, доктор исторических наук, доцент

Information about the authors:

Alexander Sergeevich Kovalev, Professor at the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

